

БАТОН, ПРАНАЯМА И СИНИЙ КИТ

*Рассказ будет опубликован в книге Веры Сороки «Петербургские монстры»
(М.: Альпина.Проза, 2024)*

—
ВЕРА СОРОКИНА

Писатель, сценарист. Резидент литературной школы журнала «Юность» в Перedelнине и Номарове. Шорт-лист премии «Данно» имени Мансима Горьного. Номинация

—
«Выбор региона» на конкурсе новой драматургии «Ремарна». Публикации в журналах Esquire, «Волга», «Граф-товый литературный журнал», «Прочтение», «Иначе», автор блога в журнале «Сноб».

Кот уснул.

Макс шел по городу, здороваясь со всеми знакомыми львами и мостами. Он дал имя каждому, понимая их суть и характер. Львы были благодарны. С мостами дело обстояло сложнее. Иногда они обижались, ведь Максим не знал их настоящих названий. Поэтому, когда пьяные туристы спрашивали, где находится обозначенный мост, Макс просто врал, что не местный. Хотя по его небрежной манере носить пальто и броги можно было подозревать иное.

Макс зашел в магазин обатониться – так он называл покупку длинного французского багета. В бакалейном отделе взял банку шпрот и отправился к кассе. Там его встретила женщина с волосами, похожими на сладкую вату, и с морковного цвета помадой.

Максим трепетно относился к именам. Он всегда читал, что написано на бейджах, и строго исходя из этого обращался к людям.

- Добрый день, Татьяна.
- Пакет нужен? – Она пикнула шпротами и, вздохнув, принялась вводить код батона.
- Нет. – Он положил банку шпрот во внутренний карман.
- Наличными или по карте?

53

– Татьяна, мне кажется – или на прошлой неделе вас звали Ольга?

– Чего?

Макс указал на ее мягко поникшую грудь.

– А, это. Да какой попался, тот и взяла. Не все ли равно?

– Как же я смогу отблагодарить вас, не зная имени?

– Да никак, зато и жалобу не накатаешь. – Кассирша грустно улыбнулась.

– Как вас зовут, Татьяна?

– Рая я.

– Спасибо вам, Рая.

По дороге домой Макс встретил девушку, которая выгуливала огромного черного дога. Каким бы путем Максим ни возвращался, они всегда пересекались на тротуаре возле ямы. Яму Макс звал Пранаямой, потому что она была похожа на вдох земли. А вот как звали девушку, Макс не знал. Она всегда была в наушниках, и он не смел нарушать ее покой.

По вечерам Макс писал. Он относится к литературе как к сожительнице, с которой останется до конца дней. Романтики Максим давно не ждал.

Но, несмотря на это, текст любил его. Любил за внимание к деталям. За бережливость и за точ-

ность имен. Ведь, даже садясь писать копеечные отзывы для интим-салона, Макс во всех подробностях представлял людей, чьими голосами будет говорить.

Прежде всего он придумывал имя и возраст. Сразу понимал, женщина это будет или мужчина. Потом возникали особенности речи, сначала устной, а потом и письменной: мягкие окончания, неправильные ударения, дурацкие фразочки, запятые после пробела – все то, что за годы нарастало на человека и делало его живым. Вслед за этим становилась ясна история. Она проступала в темной комнате Макса, как изображение на фотобумаге. Оставалось только развесить фотографии сушиться, выслушать придуманного человека и записать его гневные, забавные или полные тоски комментарии.

Ближе к ночи позвонил Павлик и позвал кутить. Максиму кутить не хотелось, но и писать про виды латекса было тошно. Поэтому он взял длинный французский батон и, будто вооружившись шпагой, пошел к мостам.

Макс прошел по бульжной мостовой, которую звал Мурашкина, и сел на парапет у воды. Он задумчиво жевал, наблюдая за неподвижностью моста. Из реки показалась русалка. Ее кожа походила на внутренности картофельных очисток. Волосы были как длинная линиялая мишура, совсем не то что у русалки из мультфильма. К губам прилипла чешуйка.

«Наверное, если жить с русалкой, – подумал он, – то по всей квартире будут не только волосы, но и чешуя».

– Угостишь? – Русалка указала на батон.

– Конечно.

Она взяла и понюхала.

– Сухой. Так приятно, когда внутри тебя есть что-то сухое. У вас ведь наоборот, да? – Не дождавшись ответа, она снова спросила: – Выпить хочешь?

– Пожалуй.

– Подержи, только не уходи. – Она вернула круглый батоний хвост и скрылась под водой.

Макс остался совсем один. Он размышлял о том, сложно ли жить с русалкой и какие счета будут приходиться от Водоканала.

– Вот. – Она протянула бутылку вина, заросшую илом. – Мне такое без надобности.

– Как тебя зовут?

– Не знаю.

– Хочешь быть Невкой?

– Невкой? А малой или большой?

– Всякой.

Она аккуратно, как-то не по-человечески, надкусила батон мелкими острыми зубками:

– Хочу.

Они еще немного посплетничали о мостах. Она доела батон, а он допил вино.

– Я пойду, пожалуй.

– Спасибо. За хлеб и за имя.

Она по-рыбьи открыла рот в нерешительности.

– Хочешь, секрет скажу? Про тебя. Про вообще всех.

– Давай.

– Вы все спитесь котам. И чем лучше им спится, тем лучше у вас жизнь.

Макс задумался:

– Весьма вероятно. А ты?

– Что я?

– Тоже снишься коту?

– Не, мы же разные. Я снюсь огромному синему киту. Он такой большой, что может видеть сны про множество русалок за раз. Поэтому все мы сестры.

– Спасибо за секрет и за вино. Надеюсь, твоему киту хорошо спится.

– Надеюсь, твоему коту тоже.

Макс возвращался домой под утро, по привычке путая следы и думая о Невке. Он шел мимо мусорного бака, которого называл Карабас-барабак из-за страшного грохота. На нем сидел знакомый кот. В уличных драках он потерял глаз, но не утратил королевского достоинства. Всем своим видом он как бы говорил: «Я вижу своим одним больше, чем ты когда-нибудь сможешь увидеть двумя».

Кота Макс не называл никак. Он знал: как только даст коту имя, сразу придется за него беспокоиться.

Кот сонно потянулся. Макс остановился.

– Привет.

Кот сдвинул уши.

– Пойдешь со мной?

Кот осмотрел Максима.

– Я дам тебе имя. Говард Филлипс. Тебе нравится?

Говард Филлипс зажмурил свой зеленый глаз в знак одобрения.

Макс и Говард Филлипс зашли в квартиру. Макс был смущен, потому что давно не водил к себе гостей. Говард Филлипс смущен не был. Он быстро

исследовал территорию и признал диван законной собственностью.

Макс гладил Говарда Филлипса, пока тот не уснул. Он спал так безмятежно, что можно было не сомневаться: человек, который снится Говарду Филлипсу, точно счастлив.

Утром Макс спустился в бакалею, чтобы купить Говарду Филлипсу еды и прочих кошачьих принадлежностей. У кассы была длинная очередь. Мимо прошла Рая.

– Добрый день, Рая. – Максим поздоровался с ней, как здоровался с любым знакомым львом или мостом.

Женщина остановилась и улыбнулась, показывая морковную помаду на зубах:

– Добрый. – Она осмотрела Максима и сказала непреклонно: – Идем, я для тебя кассу открою. Рая пробивала покупки и напевала.

– Сама не знаю. Проснулась сегодня, и как будто дышать легче стало. Такое хорошее настроение. И день такой хороший.

На бейдже красовалось гордое: «Раиса».

Вечером, когда Макс возвращался домой, на него налетела собака и принялась обнюхивать и стучать хвостом по огромным бокам.

– Фу! Эдгар, фу, кому сказала. – Девушка сняла наушники. – Ты извини, он, вообще, спокойный.

– Я кота завел, наверное, из-за кота.

– Точно. – Она улыбнулась. – Он любит котов. Такая вот странность. А меня Алиса зовут.

– Макс.

– Сегодня день такой хороший. Не как обычно. Может, погулять хочешь?

– Хочу. Давно хотел, – вдруг признался он.

– А я давно тебя тут жду. У ямы.

– Я зову ее Пранаяма, – зачем-то ляпнул Макс и тут же об этом пожалел.

Сейчас она посчитает его психом и сбежит.

– А я зову ее Лила Туранга, – сказала Алиса и осталась.

Они гуляли до утра и говорили обо всем. Потом он проводил Алису и Эдгара По домой, но продолжал вести с ней внутренний диалог.

В восемь зазвонил телефон.

– Максим, ты извини, что так рано, но я не спал всю ночь.

– Бывает, светло же.

– Нет, я не про это. Просто день такой хороший и ночь. Но не суть. Я перечитал твой роман.

Знаешь, мне понравилось. Раньше не нравилось, а теперь как будто что-то изменилось. И плевать, что неформат. Я хочу его издать.

– ...

– Алло, ты там?

– Да.

– Почему молчишь?

– Глазу кота. Он так спит сладко.

– Ты извини за то, что тогда наговорил. Период был сложный. Так что, заедешь завтра в издательство?

– Заеду. С собакой к вам можно?

– Ты и собаку завел?

– Не я. Просто не один буду.

– Да хоть с русалкой. Ты, главное, больше никому рукопись не отправляй, ладно?

– Идет.

Максим почесал Говарда Филлипса, тот выпустил когти от удовольствия и перевернулся на другой бок. Засыпая, Макс думал, что кот, которому он снится, наконец-то видит хороший сон.

Кот проснулся.

Марина Мишанина живет в Нижнем Новгороде. Хороший город для начинающего писателя! Тем более – для студентки Литературного института, созданного уроженцем Нижнего Алексеем Максимовичем Горьким. Она еще очень молода, и это чувствуется в ее рассказе. Еще нет писательской хватки, умения взять материал в свои руки и сделать из него нечто по-настоящему художественное. Но, может, этим рассказ и подкупает. Простодушием, даже какой-то наивностью в повествовании о вещах, увы, обычных, но на самом деле страшных. Речь идет о семейном алкоголизме. Вот просто пьет отец... Как пьют многие отцы, не понимая, что разрушают не только себя, но и то, за что они перед Богом отвечают – за семью, за жену, за ребенка. Отец уверен, что «все нормально». Что «ничего особенного». И жена с этим смирилась, как смирились с этим миллионы женщин в России, и не только в России. Но ребенок видит это иначе. У ребенка разрушается не только психика. У него внутри рушится целый внутренний мир. И ребенок пытается донести это до отца. Как умеет. «Плачь, папа!» Пронзительный рассказ! И я бы сказал, социально полезный в лучшем смысле этих слов. Но я бы посоветовал Марине теперь писать о чем-то другом. Кроме внутреннего мира, есть мир внешний, и он не ограничивается одной квартирой. И в нем много прекрасного!

Павел Басинский